
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(476).084.6«1937-1939»

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.067

Молчальники и начальники советской Белоруссии в 1937–1939 гг.*

Казанков Александр Игоревич

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0000-0002-6647-5047. E-mail: tokugava2005@rambler.ru

Аннотация. Исследование И. Н. Романовой затрагивает широкий круг проблем: итоги коллективизации в БССР и, в особенности, в ее приграничных районах; восприятие крестьянами социально-экономических и культурных процессов, в которые они были вовлечены; попытки сопротивления интервенциям власти; особенности народной религиозности в условиях гонения на церковь, репрессии в среде советской и партийной номенклатуры и массовые операции; изменения государственной политики и их последствия на институциональном уровне и на уровне повседневной жизни. Книга начинается с рассмотрения происшествия, произошедшего в Лепельском районе БССР в момент проведения переписи населения в январе 1937 г., – происшествия, запустившего целую серию событий и приобретшего в итоге общегосударственное значение. Несмотря на то, что анализ последствий «Лепельского дела» часто уводит И. Н. Романову в область большой политики, она с удивительным постоянством возвращается к исходному пункту – положению белорусских крестьян: колхозников и единоличников. Свой предмет И. Н. Романова целенаправленно ограничивает во времени и пространстве, используя для реконструкции событий различные виды источников: архивные документы; интервью детей, родственников и односельчан участников событий; публикации в периодической печати; нормативные документы. Затронутые в исследовании проблемы и предложенные выводы носят дискуссионный характер, но представляют несомненный интерес для всех, кто интересуется историей предвоенного советского общества.

Ключевые слова: советские крестьяне, БССР, религия, репрессии, советская история.

Вышедшая в серии «История сталинизма» в 2021 г. монография Ирины Романовой «Клеймение Красного Дракона: 1937–1939 гг. в БССР» удачно вписывается сразу в несколько историографических линий. Прежде всего, она продолжает традицию крестьяноведения – при всей хозяйственной, бытовой и религиозной специфике обитателей сел и хуторов белорусского приграничья – это все-таки советские крестьяне. Более того, как убедительно доказывает И. Романова, происходившие именно там в 1937 г. события оказали влияние на крестьянскую политику в масштабах всего СССР. Далее, исследование вызовет интерес историков религиозного сопротивления политике советской власти, церковного подполья, народной религиозности. Поскольку анализируемые в книге процессы быстро перерастут районный уровень, и в них окажется вовлечена номенклатура республиканского и союзного масштаба, они представляют интерес для историографии советских элит. Специалисты, изучающие особенности региональных репрессивных практик, деятельность карательных органов, прокуратуры и суда, советской юстиции в широком смысле, также найдут в монографии И. Романовой немало интересного.

Изложение материала исследования выстроено строго концентрически. Представив общую ситуацию в белорусской деревне второй половины 30-х гг. XX в., автор сосредотачивает внимание на локальном казусе. В январе 1937 г. в ходе подготовки и проведения всесоюзной переписи населения в двух сельсоветах Лепельского района БССР «от ответов на вопросы переписчика отказались примерно 230 чел. из 52 семей. <...> Как отмечалось, боялись переписи очень многие, но здесь ее массово бойкотировали. Первым объяснением властями такого

© Казанков Александр Игоревич, 2024

* Романова И. Н. Клеймение Красного Дракона. 1937–1938 гг. в БССР. М. : Политическая энциклопедия, 2021. 215 с.

поведения стала религиозная принадлежность тех, кто молчал, их сразу классифицировали как сектантов» [1, с. 42]. Молчаливый бунт был замечен, зачинщиков-«агитаторов» (неграмотных пожилых женщин) арестовали и, что по мнению И. Романовой сыграло в последующем ключевую роль, судили открытым показательным процессом: «Судебный процесс, где основными обвиняемыми были вдовы, которые к тому же не проронили ни слова, не дал предполагаемого ни политического, ни воспитательного эффекта: молчаливники продолжали молчать» [1, с. 47]. Так был пройден первый круг «Лепельского дела», и анализируя все более отдаленные эффекты произошедшего (вторичные, третичные и т. д.), исследование с удивительным постоянством будет к нему возвращаться.

Здесь хотелось бы отметить интересную особенность текста. При интерпретации вышеупомянутого казуса использовались интервью участников событий, бывших на тот момент детьми. Использование технологий *oral history* в данном случае – редкая удача, позволившая зафиксировать непосредственное восприятие произошедшего, живое и эмоциональное.

Второй круг «Лепельского дела» начинается с того, что сведения о событиях в приграничном районе вызвали интерес в ЦК ВКП(б) и лично И. В. Сталина. В нем исходные смыслы случившегося («сектанты, сопротивляющиеся мероприятиям соввласти») оказались полностью перекодированы. Виновниками произошедшего (т. е. самой нелюбви-бойкота и суда над «сектантами») были назначены районные руководители – политически и морально разложившиеся типы, в ходе реализации хозяйственных кампаний злоупотреблявшие властью в отношении крестьян-единоличников. В марте 1937 г. состоялся второй Лепельский процесс – тоже публичный, кстати: «...на скамье подсудимых оказались: председатель Лепельского райисполкома С. Е. Семашко, секретари Лепельского райкома партии Г. М. Паценгель и А. У. Юшкевич, заведующий районным финансовым отделом В. Н. Русанов, районный уполномоченный комитета заготовок при СНК СССР Л. Н. Михайлов, председатель Стайского сельсовета М. М. Гайсенок» [1, с. 60]. Впоследствии подобные процессы прошли волной по всей БССР и даже за ее пределами, а его результатом стало, по крайней мере, декларируемое изменение отношения к крестьянам-единоличникам по всему СССР. Остается вместе с И. Романовой подчеркнуть, что ядро феномена, т. е. нелюбовь и бойкотирование советской власти, эта смысловая инверсия не затронула. Она просто представила его как нечто спровоцированное оторвавшимися от масс самодурами-управленцами.

Эффект от демонстративной и жестокой порки местных начальников оказался непредсказуемым. Автор приводит убедительные свидетельства того, что какое-то время единоличники в БССР отказывались от уплаты налогов и сборов, а районные руководители не смели с них их требовать, поскольку хорошо помнили, чего это стоило их предшественникам.

Третичные последствия «Лепельского дела» приходятся на лето 1937 г., когда смысл его снова перекодируется. В ходе визита в БССР представителей союзного ЦК (Г. Маленкова и Я. Яковлева) выяснилось, что ненависть к мероприятиям, осуществляемым партией и правительством, не просто спонтанно провоцировалась недалекими и неприятными головоотяпами. Она целенаправленно организовывалась агентурой правых, троцкистов и иностранных разведок. И. Романова точно и детально воспроизводит ту вакханалию, которая последовала за этим выводом на всех уровнях советской и партийной управленческой вертикали.

И первый, и второй цикл расправы над местным руководством сопровождался обязательными инспекциями представителей ЦК КП(б)Б «на местах». К достоинствам монографии И. Романовой стоит отнести то, что она внимательно изучила результаты этого «хождения в народ» по-советски. Они впечатляют: «... председатель колхоза им. Ворошилова Ивашкевич, напившись пьяным, надел хомуты и запряг в воз несколько женщин и заставил себя вести в соседний хутор (на расстояние километра или несколько больше); член сельсовета Лазко Ермолай и председатель колхоза Демко Яким заподозрили Лазко Павла в воровстве и решили сами с ним расправиться, завели его в сарай, подвесили вверх ногами к потолку, пытали его различными способами, избив до полусмерти» [1, с. 68].

Еще одним несомненным плюсом исследования является то, что подробный анализ процесса массового (и иногда неоднократного) истребления региональных элит не заслуживают для И. Романовой главной проблемы: как ни трактуй причины нелюбви к советской власти и колхозному строю, она никуда не исчезнет. Именно это обстоятельство и породило, согласно разделяемой авторской гипотезе, параллельный процесс – подготовку и осуществление массовых операций 1937–1938 гг., которым посвящена вся 5 глава моно-

графии. И лепельские молчалиники, как выясняется в ней, стали жертвами «кулацкой операции», что может быть прочитано так: они все-таки «сектанты» и «антисоветские элементы».

Завершается исследование изящным возвращением к началу. В первой половине 1939 г. возглавивший партийную БССР П. К. Пономаренко (человек Г. М. Маленкова) в условиях относительной нормализации, т. е. прекращения массовых операций и «восстановления социалистической законности», начинает публично отстаивать тезис о том, что инициаторы того, самого первого «Лепельского дела» были не так уж неправы. Да, допускали перегибы, но действовали в правильном направлении. Единоличники, а в особенности сектанты, всегда найдут повод для недовольства налогообложением, землеустройством, поставками, принудительными работами и т. п. Районное же руководство стало жертвами вредительских действий разоблаченных республиканских врагов народа. Временные льготы и «налоговые каникулы» для части белорусских крестьян были прекращены, курс на сплошную коллективизацию остался неизменным.

Текст И. Романовой обладает впечатляющей убедительностью. Но главное достоинство качественного исследования часто состоит в том, что, предоставляя ответы на ряд вопросов, оно позволяет ставить новые. В рецензируемой монографии перед читателем предстает картина того, как в одной из советских республик на протяжении ряда лет (примерно с 1934 по 1939 гг.) не действовали не только нормы «социалистической законности», но и элементарные правила морали. В 1937 г. ситуация в БССР дополнилась фактическим институциональным хаосом. В республике не оставалось ни одной не скомпрометированной структуры и полностью отсутствовало представление о том, какие (и чьи) действия являются правильными, кому что можно, а кому что нельзя. В связи с этим возникают два вопроса, которые располагаются словно бы на полях работы И. Романовой: что обеспечило вход в подобную ситуацию и как оказался возможен выход из нее?

Остается добавить, что книга снабжена списком источников и литературы с указанием архивов, с фондами которых велась работа, и указателем имен. К сожалению, ссылаясь на те или иные архивные документы, автор ни разу не привел их название.

The Silent Men and the chiefs of Soviet Belarus in 1937–1939

Kazankov Alexander Igorevich

PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of Cultural Studies and Philosophy,
Perm State Institute of Culture. Russia, Perm. ORCID: 0000-0002-6647-5047.
E-mail: tokugava2005@rambler.ru

Abstract. I. N. Romanova's research touches on a wide range of problems: the results of collectivization in the BSSR and, in particular, in its border areas; peasants' perception of the socio-economic and cultural processes in which they were involved; attempts to resist government interventions; peculiarities of popular religiosity in conditions of persecution of the church, repression among the Soviet and party nomenclature and mass operations; changes in public policy and their consequences at the institutional level and at the level of everyday life. The book begins with a review of an incident that occurred in the Lepel district of the BSSR at the time of the population census in January 1937, an incident that launched a whole series of events and eventually acquired national significance. Despite the fact that the analysis of the consequences of the "Lepel affair" often leads I. N. Romanova into the field of big politics, she returns with surprising constancy to the starting point – the situation of Belarusian peasants: collective farmers and sole proprietors. I. N. has his own subject. Romanova purposefully restricts time and space, using various types of sources for the reconstruction of events: archival documents; interviews of children, relatives and fellow villagers of participants in the events; publications in the periodical press; normative documents. The problems raised in the study and the proposed conclusions are debatable in nature, but are of undoubted interest to anyone interested in the history of pre-war Soviet society.

Keywords: Soviet peasants, BSSR, religion, repression, Soviet history.